

Краеведческий альманах

Уважаемые выксунцы и гости нашего города,
дорогие друзья!

В этом году городу Выксе исполняется 80 лет!
Это большое и значимое событие для всех нас.

Настоящим подарком для выксунцев и гостей города стало издание юбилейного номера краеведческого альманаха «Приокская глубинка», который продолжает знакомить своих читателей с находками, открытиями, исследованиями истории Выксунской земли, с судьбами наших выдающихся земляков, которые навсегда вписаны в историю родного края. Выксунцы известны во многих отраслях, в разных уголках России и её ближнем и дальнем зарубежье. Только благодаря добросовестному труду многих поколений на протяжении всей своей истории Выкса строилась и комплексно развивалась.

Каждый номер альманаха «Приокская глубинка» – это неоценимый вклад в развитие культуры нашего края.

Искренне надеюсь, что новый номер альманаха будет интересен педагогам, историкам, краеведам, библиотекарям, молодежи и всем тем, кто заинтересован в открытии новых страниц истории родного края, тем, кто хочет узнать о замечательных судьбах людей земли Выксунской.

*Глава администрации городского округа
город Выкса Игорь Раев*

ПРИОКСКАЯ
ГЛУБИНКА

Выкса 2014

Приокская глубинка № 2 (14) • 2014

Уважаемый читатель!

Славу городу, безусловно, создают его люди. Представители различных профессий своим созидательным трудом приумножают эту славу, оставляя тем самым след в памяти потомков. Мы сегодня рассказываем вам о некоторых наших земляках, ныне живущих, а также в разные годы ушедших из жизни.

Каждый из них внес огромный вклад в развитие родного города, и все они достойны того, чтобы о них знали и помнили потомки. В этом юбилейном номере их объединяет то, что они тоже являются юбилярами.

Г. К. Никулина

© И. А. Пчелян
© Е. А. Баикина
© Е. И. Липатова
© Г. К. Никулина
© Администрация городского
округа г. Выкса

Николай Константинович
АПЛЕТАЛИН

ДА, БЫЛИ ЛЮДИ!

С того дня, как не стало Николая Константиновича Аплеталина, родились и достигли совершеннолетия два новых поколения выксунцев. Однако же он не забыт и по сей день. А как иначе? С одним из самых достойнейших горожан неразрывно сопряжён период благополучия завода дробильно-размольного оборудования, несколько десятилетий остававшегося вторым по производственной мощи и значимости предприятием города. Работой на предприятии в лучшие его времена кормилось до восьми с половиной тысяч человек.

Завод ДРО по многим вопросам вышел на передовые позиции в своей отрасли. Его продукция экспортировалась в десятки стран мира, не говоря уже о том, что в самых разных частях огромной тогда страны она широко использовалась в дорожном строительстве, в горной промышленности и даже в сельском хозяйстве.

Тогда же достигла своего расцвета социальная сфера предприятия. Машиностроители, хотя и не в такой степени, как их более удачливые и богатые соседи, металлурги, благоустраивали свой быт, организовывали техническое и художественное творчество, дружно отмечали все красивые дни календаря.

Очень значительной была заслуга директора завода ДРО Н. К. Аплеталина и сплотившейся под его началом дружины опытных руководителей ведущих служб и цехов, а также имевших тогда большой вес и влияние партийного и профсоюзного комитетов.

Родился Николай Константинович в 1914 году в Выксе, в семье потомственного рабочего, ставшего впоследствии признанным специалистом, и хорошо образованной муromчанки.

В 1930-м совсем ещё юным пареньком пришел он работать на строительство завода дробильно-размольного оборудования. И не ведал, что ему было предопределено судьбой спустя тридцать лет возглавить коллектив выксунских машиностроителей. И потом ещё два десятилетия нести на своих плечах бремя директорской ответственности... В 1932 году моторист из российской глубинки Выксы поступил в Ленинградский политехнический институт. Единственный в трудовой биографии перерыв Николай Аплеталин использовал с максимальной отдачей для того, чтобы стать инженером-механиком. А по возвращении в родные места вновь оказался на предприятии, уже вступившее к тому времени в строй действующих. Выпускника авторитетного вуза сразу же зачислили в штат в статусе конструктора первой категории.

По лестнице профессиональной карьеры Аплеталин шел довольно быстро. Меньше чем через пять месяцев он становится бригадиром конструкторов, ещё через примерно такой же отрезок времени — начальником технологического бюро цеха №1. В первые месяцы войны назначен старшим технологом.

В 1944-м тридцатилетний специалист трудится уже в должности начальника технического отдела завода. Меньше чем через три года он уже в статусе главного технолога. Спустя каких-то десять лет после окончания института Николай Константинович стал главным инженером.

А потом в его так успешно складывавшейся карьере неожиданно случился реверс. Не сокрушительный — ниже должности начальника цеха уже никогда не «отступал», — но довольно длительный. Почему? Не мог же он, в самом деле, в одночасье утратить свой опыт, деловые и профес-

сиональные качества. «Конечно, нет!» — утверждают ныне здравствующие, хорошо знавшие его сподвижники. Но это были времена, когда в расчёт принимались не одни только служебные характеристики. Даже бесспорно талантливые люди, случалось, выпадали из обоймы...

К счастью, в случае с Николаем Константиновичем до худшего из возможных вариантов не дошло. Через шесть лет, укрепив авторитет руководителя и инженера, он поднялся на уже взятую однажды высоту. А в 1960-м Аппеталин стал директором завода. И оставался им, повторяюсь, — а вы, читатель, вдумайтесь — двадцать лет!

И в те времена высшие государственные награды не были только «векселями на общественное доверие». Коллектив принимал Николая Константиновича и без орденских планок и громких титулов: оснований для уважительного к нему отношения было предостаточно. И всё-таки, когда по итогам знаменитой хрущевской семилетки директор был награжден орденом Ленина, в коллективе это было воспринято с пониманием, удовлетворением и гордостью. Во-первых, потому что награжден был весь завод — на его стяге в июле 1966-го появился орден Трудового Красного Знамени, во-вторых, в цехах и службах так или иначе

были отмечены многие достойные люди. Заводчане могли гордиться: за те семь лет объём производства увеличился более чем на семьдесят процентов, а производительность труда возросла на пятьдесят. Показатели, ныне кажущиеся просто фантастическими! Создатели выксунских дробилок получали награды ВДНХ, а лучшей аттестацией их заслуг являлись всё расширяющиеся поставки своей продукции на мировой рынок.

В ноябре 1969-го директору завода ДРО — второго по численности среди 176 предприятий министерства и головного в главке — присуждается Государственная премия СССР. Диплом лауреата за номером 01327 подписан лично М. Келдышем и Н. Аржаниковым.

Имея все эти и другие звания и регалии (Почетный машиностроитель, кавалер ещё и ордена Трудового Красного Знамени и прочее-прочее), Николай Константинович, по свидетельству людей, знавших его близко, оставался человеком достаточно простым и доступным. Рабочим предприятия попасть к нему на приём по личным вопросам большого труда не составляло. А некоторые из руководителей отмечали, что при этом он всегда оставался заступником рядовых работников. Как правило, именно в их пользу решал спорные вопросы...

Николая Константиновича уже не было, когда от ветерана предприятия я услышал: «Мне квартиру дал Аплеталин». Попытку объяснить, что сделано это не только и не столько по директорской воле, но по закону и существующим правилам, старик решительно отверг: «Ничего вы не понимаете, молодежь. Это сейчас не знаю что, а тогда как директор сказал, так и будет!» Но люди, что в те годы непосредственно участвовали в распределении жилья, утверждали обратное: Николай Константинович не ломал установившийся порядок, вопросы такого рода решались коллегиально.

Человек, благодарная память о котором и сейчас живет во многих сердцах, конечно же, не был «ангелом во плоти». Как мне рассказывали бывшие сослуживцы, Н. К. Аплеталин мог быть и жестким в решениях, и едким в высказываниях (кстати, по многим свидетельствам, чувством юмора обделен не был). Но вот интересная деталь, поведенная

Слева направо, первый ряд: А. А. Горюнова, А. С. Чаулин, М. П. Осташкин, И. С. Бударгин, В. А. Приходько, Ф. А. Ерёмин, Н. К. Аппегалин, Н. В. Плетнёв, Ю. Н. Енцов, Е. В. Мартынова, Д. А. Ерёмин, Н. Ф. Киселёв, А. П. Ермашин. Второй ряд: С. В. Зонов, ...?..., М. И. Ингликов, Д. А. Гусев, П. Н. Пастухов, Н. А. Зубов, Осипов, М. И. Суворкин, Ф. Н. Алексанин, Н. В. Чмыхов, Н. К. Тагунов, Н. Ф. Шуянова. Третий ряд: И. В. Борковский, В. П. Личнов, С. О. Паршин, П. В. Малютин, Н. П. Чи-
чев, А. И. Варакин, В. М. Роганков, К. П. Чесанова, ...?..., П. А. Денисов, Д. П. Макаров, М. П. Политико. 1966 год.
(Фото из архива А. Н. Торунова, подпись его же, к сожалению, восстановить все фамилии не удалось.)

нам опять же сподвижниками. «Карательные» приказы, распоряжения, предписывающие наказать кого-то из заводчан, — тем более если речь шла об увольнении, — как правило, сразу не подписывал, а перекладывал куда-то в низ вечной на директорском столе кипы бумаг. Аналогичным образом рекомендовал поступать и другим руководителям: сгоряча такие документы подписывать не стоит. Пусть вылежатся денек-другой, а там уже с холодной головой решай, стоит ли человека так наказывать...

А. П. Горынцев, долгие годы работавший бок о бок с Аплеталиным и хорошо знавший его лично, вспоминает:

— С Николаем Константиновичем мне не единожды приходилось бывать на совещаниях в главке и в министерстве. Очень импонировало его отношение к начальству. Держался с достоинством и скромно. К трибуне выходил редко, если только требовало дело.

Вообще не охоч был являться в «высокие инстанции» без вызова. За те двадцать лет, что находился у руля предприятия, всего несколько раз был у министра. Возглавляя коллектив, имевший десятки зарубежных партнеров, лишь один раз, в составе делегации Министерства внешней торговли, выезжал за рубеж, в Финляндию...

Его похвала была полновесной и совершенно искренней. Сын Н. К. Аплеталина, Юрий Николаевич, поведал, что из отцовских уст слышал исключительно лестные характеристики товарищей по работе. Главных же специалистов, а команду ему удалось собрать сильнейшую (В. А. Николаев, Г. В. Румянцев, И. Л. Водопьянов, В. В. Евсеев, Г. П. Дзюб и другие), очень ценил. Даже среди домашних, за глаза, отзывался о них с искренним уважением: «Умнейшие мужики!»

Кадры беречь умел. А. П. Горынцев убедился в этом и на собственном опыте. Когда уходил он с завода на должность заместителя председателя исполкома, директор издал приказ с объявлением благодарности и премировал месячным окладом. Позже, в 1974-м, Николай Константинович и секретарь парткома Ю. М. Пухов агитировали вернуться на машиностроительный.

— Помню, позвонил мне, — рассказывает Александр Павлович, — и предложил встретиться возле моего дома.

Сидели на скамейке, беседовали. Николай Константинович предложил мне занять должность начальника ПДО с последующим переводом в ранг заместителя директора по производству. Я согласился и попросил помочь улучшить квартирные условия (семья из шести человек жила тогда в двухкомнатной, 28 квадратных метров, квартире).

Директор пообещал, а через год, по возвращении Горынцева на завод, решил вопрос. «Обязательный и честный человек», — убеждён ветеран.

...Слово «честность» — ключевое во всех характеристиках бывшего директора. Аргументация при этом самая разная — от рассказов о довольно эффективной кампании по борьбе с нечистыми на руку до анекдотического случая с посылкой от южных клиентов. Не слышали? Партнёры из наших бывших «солнечных» республик прислали на завод посылку с фруктами. Видимо, в знак благодарности, уважения и с надеждой упрочения отношений. Узнав об этом, директор распорядился: ящик забить и переслать отправителю. Представляете, какие эмоции это вызвало у незадачливого отправителя?

И это не было показной линией поведения. Обстановка в доме — по нынешним меркам — спартанская. Да и по тогдашним — более чем скромная... Говорят, вернувшись как-то из командировки, Николай Константинович обнаружил на балконе простецкие деревянные ящики для цветов, сколоченные в ЖКО, и распорядился супруге: «Либо сходи оплати, либо верни».

Того же требовал от подчинённых... Ревизор бухгалтерии подготовил на его имя обстоятельную служебную записку, где сообщалось, кто из цеховых работников какое имущество из кладовых (например, полушубки, валенки и т. п.) взял в личное пользование. Аплеталин собрал свой «генералитет» в актовом зале и, не оглашая фамилий, предупредил: два дня на возврат. А ревизору поручил проверить исполнение. Нужно ли говорить, что в указанный срок все и всё вернули...

В те годы разрыв в оплате труда рядовых и руководящих работников был небольшим. Оклад директора в 1974 году (по записи в трудовой книжке) исчислялся 300 рублями. Незадолго до ухода на пенсию он получил от министра

персональную надбавку — 60 рублей. Для сравнения: работая на «стартовой» инженерной должности где-то несколькими годами раньше здесь же, на заводе ДРО, автор получал всего лишь в три раза меньше. А средняя зарплата по заводу составляла 175 рублей (1975 г.). Да, конечно, ещё были и премии, но их предельный совокупный размер жёстко регламентировался — не более двух окладов в год. Да и поводов лишиться таковых хватало: то на плановую номенклатуру не удалось выйти, то на производительность труда, то на какой-то показатель (а их было до двадцати). Случалось тогдашним директорам и управленцам сиживать на «голом» окладе по несколько месяцев.

Другое дело — рабочие. Те, кто трудился ударно (ну, что делать, старомодное словечко, но точное ведь), кто помогал вытаскивать программу месяца за последнюю декаду, неделю, — те, как правило, зарабатывали недурно. Особенно почитал Николай Константинович станочников, сталеваров, кузнецов...

Добросовестное отношение к делу, профессионализм и опыт Аплеталин ценил не только в сподвижниках. Частые утренние обходы цехов включали встречи и беседы с рабочими и мастерами. Большинство из них, знавших его лично, обращались к директору уважительно, говорили без опаски. А за глаза величали «Константинычем». И то сказать, демократичен он был не по моде, а по природе.

Однако безответственности «номер один» не прощал. Случалось, наказывал, в том числе и рублём. Но зла на человека долго не держал.

По рассказам, очень просто держался и в компании. По праздничному поводу первым доставал из кармана деньги: «Ну вот, мужики, чтобы не было разговоров, по червонцу...» Сбрасывались... И в этой, неофициальной обстановке, позволив себе стопочку-две, не чванился, дистанцию без нужды не подчёркивал. Тем более когда (что случалось нередко) в выходные отправлялся с подчиненными на лыжную прогулку или за грибами.

Детей, двух сыновей, любил, но не баловал. «Директорскими» мы себя не ощущали», — свидетельствует Юрий Николаевич.

Мы как бы эмигрировали, не сменив прописки. Ту страну, откуда родом, населяли другие люди. Вовсе не идеальные, но придерживающиеся определённых ориентиров, этических норм. Вероятно, в чём-то более простые, даже наивные. А может быть, напротив — мудрые. Понимавшие: у гроба карманов нет, а лучшее наследство — доброе имя родителей.

Экс-директору и не снились палаты белокаменные, экипажи многосильные. Уйдя на пенсию и лишившись персонального автомобиля, он наконец-то приобрёл личный, но водить его даже не пытался научиться. Да и гараж ему «слепили» на скорую руку.

Говорят, для получения персональной пенсии Аплеталину не хватило партийного стажа. Он довольно поздно, можно сказать, уже в зрелые лета, вступил в КПСС... Мне случилось обратить его внимание на свою скромную персону каких-нибудь два-три раза. Помню тогдашние впечатления: во взгляде почудилась глубокая печаль, неизбежно отличающая хорошо знающих этот мир и людей, его населяющих. Он был жизнелюбив, утверждают близкие. Наверное. Им видней. Но вот на памяти сына остался разговор с отцом, в котором тот (уже незадолго до смерти) предупреждал о грядущих экономических проблемах, неизбежном росте цен. В самом деле, хозяйственник такого уровня Аплеталин не мог не понимать, куда движется страна. Уверен, он чувствовал: эпоха на излёте. Об этом уже и люди попроще догадывались, а тут — директор завода! Уважаемые ветераны наверняка были не вполне довольны этой публикацией: слишком многое осталось «за кадром». А как иначе? Это же не книга. Может быть, и самому Николаю Константиновичу не понравилось бы, он не был любителем дифирамбов в свой адрес. Но, согласитесь, из дня нынешнего его жизнь, заслуги и облик представляются достойными самой долгой и доброй памяти.

Игорь Пчелян

Надежда Алексеевна
КНЯЗЕВА

ПУТЬ КРАЕВЕДА, ИЛИ РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Пусть вас не удивляет такое кочинское, утрированно-литературное название. Когда общаешься с Надеждой Князевой, слушаешь ее воспоминания, перед глазами встает долгая-долгая дорога. Большой непростой путь, пройденный этим человеком.

Мы сидим в ее небольшой квартирке на ул. Островского. Долгими разговоры не получаются — моя собеседница устает. Но к каждой следующей встрече готовится с прилежанием первой ученицы. Перед ней тетрадка с планом: о чем надо рассказать, что упущено в предыдущей беседе. В 2014 году Надежда Алексеевна Князева отмечает 90-летие. И по этому поводу сама стала объектом для исследования. Впрочем, она не обижается. Слишком хорошо понимает, как важны, как дороги эти воспоминания. Этот рассказ — о жизненном пути.

Родилась девочка 22 сентября 1924 года в крестьянской семье. Деревня Большое Троицкое, что в 6 километрах от Рыбинска, была сытой и благополучной. Анна Ивановна и Алексей Степанович называли дочку Наденькой. В семье четверо детей: брат Александр и две сестренки — Зинаида

и Тамара. Мать — колхозница, отец — клепальщик на судовой верфи. Ушел глава семейства из жизни рано — заболел туберкулезом и не смог одолеть недуг.

— В моем возрасте, наверное, все вспоминают детство... — говорит Надежда Алексеевна. И смотрит куда-то далеко, туда, наверное, где стоит на левом берегу Волги деревня в двадцать домов, в которой нет ни церкви, ни школы. Но скоро она окажется причастна к огромной стройке: до войны начнут возводить Рыбинское водохранилище, и «великое переселение» из населенных пунктов, подлежащих затоплению, сильно изменит деревенский быт. Новая дорога, электро- и радиофикация преобразят Большое Троицкое.

Семь классов Надя бегала в школу в соседнюю деревню, а старшие классы училась в Рыбинске. Школу окончила в 42-м году.

Оставшаяся без мужа Анна Ивановна вряд ли подняла бы детей. На подмогу приходили тетки, Надины бабушки. Тетя Сима и тетя Лиза, белошвейки, труженицы и умницы, обе так и не вышли замуж, поэтому в сестрину семью вкладывали и душу, и средства. «Надя, ты должна учиться! Обязательно должна!» — направляла баба Лиза. А с запада уже катилось огненное колесо войны...

— Училась я неплохо, но отличницей никогда не была, — рассказывает моя собеседница. — Когда в 35-ю школу в Рыбинске пришла, очень стеснялась: я была высокая, выше сверстниц, плюс к тому из деревни. Сидела я на последней парте. И вот как-то, помню, учитель математики пришел после контрольной, солидный такой, у него пенсне, взгляд строгий. Он и говорит: «Князева! Ты единственная написала на «5»!» И так мне радостно, такая гордость... История и литература прошли как-то мимо меня. А вот математика нравилась, химия, физика, задачки хорошо решала и была уверена — мой путь только на физмат.

Воспоминания о тех военных годах до сих пор берегут сердце. Рыбинск периодически бомбили. Налеты прекратились лишь когда крупные предприятия эвакуировали в Уфу. Навсегда впечаталась в память Надежды бомбежка нефтебазы. Казалось, полыхает все вокруг. Горючее из цистерн выливалось в Волгу, и вода горела тоже.

Надежда Алексеевна вспоминает переправу через Волгу. Моста не было, люди, машины и лошади переправлялись на пароме и на катерках. А по законам военного времени опоздание было смерти подобно. Поэтому всегда давка, всегда нервы. И вот однажды перегруженный катер затонул. Сколько людей погибло...

Повсеместно ввели продуктовые карточки, прилавки магазинов опустели. Мальчишек-одноклассников забрали на фронт. Город погрузился в тревожное ожидание. Церкви заколочены, кругом маскировочные сетки. Днем улицы будто вымирали, а вечером, после смены, их заполняли толпы усталых людей с тяжелыми взглядами.

Несмотря на все трудности и волнения, девушка оканчивает среднюю школу. Мать гордилась дочкой: помощница дома, учится хорошо. И, когда Надя сообщила, что собирается ехать учиться в Ярославль, Анна Ивановна только согласно кивнула. Хотя на сердце было ох как беспокойно... Шел 42-й год.

Но молодежь об опасности думает мало. Надя с подружкой Машей на пароходе отправились в Ярославль подавать документы. Огромный пароход, большая река, красивый город... В институте девчонок отругали: такое время, а вы едете! Можно было бы документы почтой присылать! Но уже черед две недели подруги получают вызов: приезжайте на работу. Приемные испытания на физмат в Ярославский педагогический институт имени Ушинского прошли на подсобном хозяйстве. Абитуриенты пололи, окучивали, убирали урожай. А 1 сентября сели за парты. Началась учеба.

Ярославль по сравнению с Рыбинском бомбили более жесточно. Но человек привыкает ко всему, тем более в молодости. Если при первых бомбежках студенты стремглав неслись в бомбоубежище, то потом привыкли, даже с кроватей не поднимались. Учились с удовольствием. Но внезапно выяснилось, что ни химия, ни физика, ни математика девушку не занимают. Зато лекции по психологии профессора Егорова оставили впечатление на всю жизнь.

От голода спасло деревенское хозяйство. Из дома Надя везла картошку, сушеную свеклу, молоко — все, что можно было дотащить до Ярославля. Знаковое событие того

года: она вступила в комсомол и вместе с друзьями сдавала кровь для раненых. Чувство патриотизма и тогда, и сейчас для нашей героини — одно из важнейших. Она считает, что лучшие поступки человек совершает именно из любви к Родине, к своему народу. Кстати, с одним из тех, кто стал родным по крови, девушка долгое время поддерживала отношения.

Здесь, в Ярославле, Надежда Князева получила первый (и последний, кстати) опыт предпринимательской деятельности. Центром притяжения в войну были «блошинные рынки». Имелся таковой и в Ярославле. В конце зимы, когда стало совсем голодно, подружка предложила Наде: «Пойдем торговать нафталином!» Пахучий товар пользовался спросом, но торговля была недолгой. Буквально через несколько минут к продавщицам подошел милиционер и предложил пройти в отделение. От суровой расправы девчонок спас покаянный вид и катившиеся градом слезы. С неудачливыми бизнесменшами провели беседу и отпустили их с миром.

Весна 43-го года принесла не только надежду, но и радикальные перемены в жизни нашей героини. В Ярославский педагогический приехала делегация из Московского института стали и сплавов. Война сильно сократила ряды студентов одного из крупнейших вузов страны, и вернувшееся из эвакуации учебное заведение спешило наполнить аудитории, более того — расширяло набор. Ярославский вуз этому, конечно, не обрадовался, но то было государственное задание! Набирали на второй курс, и студентка Надежда Князева попала в число десяти счастливчиков, получивших престижное приглашение.

Что такое — учиться в Москве? Стипендия, бесплатное общежитие, перспективная работа и, самое главное, столица. С середины июня Надя и еще 119 человек штудировали черчение, химию, физику — согласовывали программы. Отчислили из 120 только одного. Все остальные 1 сентября переступили порог МИСиСа.

Москва поразила девушку просторами и... пустотой. Заборами обнесены места бомбежек, в том числе и район знаменитой Шаболовки. Огромное общежитие института — Дом коммуны, чудо конструктивизма. Аудитории,

библиотека, столовая, лаборатории — все вызывало восхищение и почти первобытный трепет. Надя увлеченно училась, хорошо сдавала экзамены и была довольна переменами. Специализация «Мартеновское производство» оказалась, конечно, в новинку, ничего подобного девушка раньше не знала, но упорства ей было не занимать.

Однако безмятежность длилась недолго. В 1944 году студентка Князева отправляется на практику, на лучшую по тем временам производственную площадку — в Магнитогорск.

— Как пришли в цех, как я увидела такие громады! Вот тут-то и подумала: а в свои ли ты сани села, Надежда? Как я испугалась этих печей! Но потом смотрю, девчонки ничего, держатся. А я что, хуже, что ли? Рабочие смеются: «Девчата, не бойтесь! Кашу варить умеете? Так тут то же самое! То положили, этого добавили, вот и сварилась сталь!»

Вопрос правильности выбора будет преследовать Надежду Алексеевну всю жизнь. Пока дело касалось металлостроения, металлургии, конструкции печей, технологии выплавки — тут еще все понятно. А вот электротехника, строительное дело — это давалось тяжело.

Москве Надежда обязана многим. Общественная работа, масса культурных мероприятий. Концерты Козловского и Лемешева, спектакли Малого театра. От московского студенчества навсегда осталась любовь к оперетте.

А вот жить от сессии до сессии было все труднее и труднее. Картошки-то из дома в Москву уже не навозишь... Студенты голодали. Из роскошеств того времени — манная каша с селедкой. Чтобы поесть, девушка сдает кровь. О том, как ходили в коммерческие магазины «подышать», хотя бы ощутить ароматы еды, можно писать отдельный рассказ. Как-то Надежда с подругой (еще одна попытка «левого» заработка) пришли убрать квартиру одинокой пожилой женщины, старой актрисы. Рассчитывали на деньги, в крайнем случае — на еду. Старуха расплатилась с девчонками траченной молью скатертью и фарфоровой статуэткой. У нее тоже не было денег.

Четыре года в МИСиСе — настоящая школа жизни. К выпуску — к 47-му году — студенты так обнищали, что выйти было не в чем. И вот, великое счастье, выпускникам

50-е годы

дали «отрезы» на пальто, красивую ткань. Надя сама по выкройке сшила пальто и берет. На обувь тоже дали талоны.

И вот такая красивая, в новом пальто и модном берете приехала молодой специалист Надежда Князева в Енакиеве, на Донбасс. Огромный завод, переживший оккупацию, только-только входил в нормальное русло. Из МИСиСа в 47-м году туда приехали восемь человек: двое мартеновцев, остальные — прокатчики.

— Доменный цех, два мартеновских, бессемеровский цех, «блуминг», — вспоминает Надежда Алексеевна. — Работают высококлассные специалисты, люди ответственные, настоящие, патриоты, труженики. Туда нужны были мужики-инженеры, а прислали нас, девчонок. Проблем было много, архитрудно все давалось.

Тема женщины-производственника в послевоенное время до сих пор занимает ум краеведа. Они вставали наравне с фронтовиками, опытными специалистами, слабее физически, но равные по силе духа, в лучшем смысле этого слова героические, не боявшиеся никакой работы.

— Вы знаете, когда мы ехали в Донбасс, перед глазами вставала чудовищная картина разрухи. Масштаб трагедии был огромен. Разрушенные, сгоревшие станции, селения, переполненные поезда, вагоны без стекол. За окном — безлесная степь, уцелевшие хутора и села, и, наконец, встает

громада завода. Потом там памятники поставят бойцам, воинам. А надо бы еще памятник женщине в тех степях поставить. Той, которая на быках всю войну пахала, которая в этих цехах сутками вахту несла...

Пыль и ветер, ветер и пыль, набивающаяся в глаза и в рот, скрипящая на зубах, промозглая осень, плавно переходящая в зиму, и тяжелые ставни на окнах как спасение от пыли. Такой запомнилась Надежде Алексеевне осень того далекого 47-го года. Дома, в ярославской деревне, достаток, земля кормит. А тут разруха, голод. Продовольственную проблему решали семечки. Их продавали на каждом углу, и даже офицеры не брезговали изящно «поплевать семки», виртуозно забрасывая в рот маслянистое лакомство. Грязь и неустроенность шахтерских районов, всеобщая, какая-то осязаемая усталость, подобно вездесущей пыли пропитавшая воздух промышленного района. Здесь девушке предстояло прожить три года.

Скучно не было: сразу комитет комсомола, сразу общественная нагрузка, вечерние дежурства на улице, участие в переписи населения, школа молодого лектора. «Комсомолку» в руки и вперед, в массы, освещать задачи металлургии, решения партии и правительства.

На завод Надежду взяли в мартеновский цех дублером мастера. Приняли молодых специалистов тепло, но вот работы никакой не доверили. Полагалось смотреть, учиться, «мотать на ус». Кстати, нарядное пальто с беретом ей почти не понадобилось — на заводе нужна была спецовка.

— Разливочный пролет мне был знаком, как и весь мартеновский цех. Мне надо было понять состояние оборудования, выполнение графиков ремонтов, действующие технологии. Моя задача — смотреть, как все налажено. Только смотреть, никакой работы нет. Гарь, дым, третья смена...

Чуть позже ее переведут в техотдел заводууправления.

Мысль о «не своих санях» посещала русую голову молодого специалиста все чаще. Но судьба благоволила девушке. Вскоре на завод приехала научно-исследовательская группа из министерства — внедрять новые технологии. И Надежду включают в эту группу. Она наконец-то почувствовала себя полноправным членом коллектива, нужным

человеком. И в этой-то группе нашлась женщина, которая обратила внимание на душевные метания металлурга в юбке. «Если тебе не по душе цех, есть в министерстве вакансии преподавателя в техникумах. Можно переводом оформить, без ущерба для завода!» — говорила новая знакомая. А Надя думала про себя: какой ущерб производству, если пользы от меня никакой! Долго металась, думала, сомневалась. Но все-таки решилась. Написала заявление, получила четыре варианта на выбор.

— Макеевка — это Донбасс. Я туда больше ни за что не поеду. Белорецк и Киров — далеко от Москвы. А вот Выкса... Самое подходящее.

О Выксунском металлургическом заводе Надежда слышала, а вот бывать там не доводилось. И вот 25 апреля потенциальный преподаватель с чемоданчиком и сумкой с книжками вышла из поезда на станции Навашино. С этого момента в жизни Надежды Князевой началась новая страница.

— Мне сказали, что меня встретят. Я выхожу — и никого. А там пересадка, до Выксы три раза в сутки ходил местный поезд с маленькими вагончиками, и отправлялся он с другой платформы. Я бы заблудилась, наверное, но меня спас попутчик, учитель математики из школы №8. С ним я до Выксы и добралась. А тут его встретили, он «испарился», и я осталась одна. Вместо вокзала — сарайчик, паровозики, шум, гам, я со своим чемоданчиком... Спросила, как пройти в гостиницу, и отправилась. Пешочком, по каким-то закоулкам, до улицы Красные Зори. Нашелся добрый человек, проводил меня до гостиницы. Впрочем, какая там гостиница?! На ул. Корнилова частный домик, восемь коек, и все заняты. «Милая, — говорят мне, — у нас мест нет. Хочешь, на печке ночуй». Конечно, хочу! Забралась я на печку и уснула...

Утром Надежда пошла в техникум. Тут-то она и разглядела все красоты Выксы, увидела и церковь, и пруд, и баташевский дом, и монастырь. Новое место сразу понравилось. Но особенно порадовало девушку отношение, с которым приняли ее в техникуме.

— Директора техникума, Александра Александровича Козерадского, тогда на месте не было, и меня встретила

Выкса, 1949 год

Екатерина Павловна Соколова, преподаватель русского языка и литературы. Она тогда работала завучем. На улице дождь со снежком, а она такая уютная вся, в горжетке, и у кунницы два глазика поблескивают. Очень доброжелательно со мной поговорила, мне дали место в общежитии и сразу же нашли, чем меня занять. Апрель же, год учебный заканчивается, нагрузки нет. Мне поручили руководить производственной практикой, включили в редакцию

газеты «Искра металлургов»,

в самодеятельность. А общежитие располагалось на ул. Островского, дома 28—30. У меня была комнатка с окнами во двор, сейчас там продовольственный магазин. Сама улица — грунтовая, колдобины, где сейчас Вечный огонь, там еще сохранились остатки кладбища, а от парка по ул. Труда шла старая железная дорога, которая соединяла кузницу в монастыре с заводом ДРО.

Надежда Алексеевна рассказывает о Выксе 40-х годов так, словно видит ее и сейчас. Так же она описывает и людей — детально, крупными мазками. Сказывается огромный опыт анализа и обобщения материала.

— Нашего директора я впервые увидела на первомайской демонстрации. Народу — тьма! Козерадский, конечно, ждал педагога-мужчину. Он сам только год проработал директором, ему нужны были опытные кадры.

Техникум того времени для Надежды Алексеевны, пожалуй, самое яркое и светлое воспоминание в жизни. Она называет людей, с которыми довелось поработать: супруги Щепкины, Екатерина Павловна Соколова, Мария Максимовна Войтюк, Полина Робертовна Дунаевская... Это они наставляли на путь истинный начинающего преподавателя. Помогали, учили, чаще своим примером.

— Все мы шли на работу — как на крыльях летели. Коллектив к тому времени уже сложился, ядром его были преподаватели, которые работали в годы войны. Много было мужчин-фронтовиков, истосковавшихся по работе. Их порой не выгонишь из лабораторий! Я легко влилась в коллектив. Мне дали преподавать мартеновское производство, общую металлургию и организацию производства. Ребята — прокатчики и мартеновцы. Среди них было много с моего года и чуть младше, многие уже поработали, некоторые даже повоевали. Они были моей опорой, очень помогали мне.

Денег тогда платили немного. Но не все измерялось материальным благополучием. Период расцвета металлургического техникума в Выксе, душевный настрой, с которым шли преподаватели на работу, активная общественная нагрузка — все это давало ощущение причастности к большому и нужному делу. Конкурс в техникум был огромен — три-четыре человека на место. Преимущество отдавали спортсменам — Козерадский уделял спорту большое внимание. Техникум тогда был ведущим молодежным коллективом города, и Надежда Алексеевна чувствовала: есть в этом и ее заслуга, уже есть. Она стала лектором общества «Знание», и первой темой публичной лекции стал жизненный путь Ломоносова. Перед мартеновцами 2-го цеха прошел ее дебют как лектора. Потом темы атеизма, свободы совести, история монастыря, история завода... Просиживая ночи над конспектами, Надежда Алексеевна еще не знала, что в эти минуты формируется ее будущее увлечение, которому она отдаст свою жизнь без остатка.

Работы наваливалось все больше и больше. Как классный руководитель Надежда Алексеевна должна была регулярно бывать в общежитиях, контролировать, чем в свободное от учебы время занимаются ее ребята. Смотры художественной самодеятельности, спортивные соревнования, производственная практика, спецкурсы — все это входило в сферу ответственности преподавателя.

В 1951 году Надежда Князева вышла замуж, в 52-м родила дочку. И тут — сюрприз. Ее специальность закрывают и предлагают на выбор черчение, технологию металла и экономику.

— Сижу до трех часов ночи, голова трещит, ребенок маленький. Домашние дела заброшены, все кое-как. Но работа все равно нравилась. И к городу я привыкла. Коллектив в 60-х годах обновился, пришли молодые педагоги, было очень интересно. С 1958 года я стала преподавателем химии.

В середине 60-х Надежда начинает первые краеведческие исследования. В 65-м году в городе образовано Общество охраны памятников. Она читает лекции по истории монастыря, по истории завода. И, осваивая материал, Князева натывается на первые в ее работе неточности и ошибки. Кто бы тогда сказал, что именно они — неточности, несогласованности и ошибки — станут для Надежды Алексеевны главной заботой многих лет.

— Читаю «Славную историю», и сразу резануло: «датой основания Выксы принято считать 1757 год». Что значит «принято считать»?! От чего отталкивались? Почему данные только за начало 19 века? Дальше — больше. Постепенно накопилось много претензий и замечаний к «Славной истории». А когда я ушла на пенсию в 1980 году, краеведение стало основной работой. Для начала я пошла на курсы экскурсоводов. Полтора месяца две лекции в неделю. Вел их Лев Васильевич Шестеров. Это такой замечательный лектор! Я считаю себя его ученицей. И уверена: все, что он написал, надо издать полностью. До сих пор не все его работы опубликованы. Так вот, о курсах: начинали 30 человек, а закончили нас двое. Почему? Так экскурсантов не было. Но мне повезло: я съездила групповодом в Ульяновск, Москву, Кишнев...

С 1978 года Александр Александрович Козерадский стал председателем Общества охраны памятников, Князева — его заместителем по пропаганде. Постепенно накапливался материал, он требовал систематизации. Надежда Алексеевна подключила младшую дочку, и они вместе оформили первый альбом по истории монастыря. Фотографии, вырезки из газет, трогательный детский почерк. 21 лист.

— Я хотела охватить все темы! Поручала школам собирать различный материал. Правда, большинство так ничего и не сделали. Мы с Евгенией Дмитриевной Максаковской на двоих взяли тему народного образования. Я — дорево-

люционный и довоенный периоды, она — послевоенный. Мы надеялись, что в городском музее будет раздел по народному образованию. Документы, что я собрала, передали школе №12. Среди них было около десятка букварей. Это же слепок эпохи — каждый букварь. Через несколько лет я узнала, что буквари выкинули за ненужностью...

Надежда Алексеевна продолжает разрабатывать свой «конек» — тему атеизма. И по сей день она абсолютно уверена, что говорить о свободе совести, о морально-нравственных аспектах можно и нужно при любой власти, при любом политическом строе. Актуальной оказалась тема «Выкса в годы революции», много лет потрачено на темы «Ленин и Выкса», «Выксунский комсомол». Желание охватить все нередко ставилось краеведу в вину.

1963 год. Первомайская демонстрация. Классный руководитель группы ЛПБ Н. А. Князева

— Я часто задумывалась: а верно ли я делаю? Я же видела — темы недоработаны, я брала их, находила в работах предшественников недочеты. Но когда я об этом говорила, встречала в лучшем случае непонимание. И нельзя сказать, что я вот эту тему закрыла и начала другую. Они

продолжаются. То тут что-то найдешь интересное, то здесь откроется ранее неизвестный факт.

Еще один рубеж — 1984 год. В 83-м начали готовить книгу «Второе рождение». И Надежду Князеву, начинающего краеведа, включили в состав редакции. Дали задание — «походить по спортсменам».

— Я походила. И думаю себе: батюшки, это такая яркая страница нашей истории! Материала собрала много и отдала его Козерадскому. В октябре мне «подкинули» еще одну тему. Великая Отечественная война. На дворе осень 83-го года, сроки жмут. И такая ответственная тема! Моя жизнь, конечно, вся проникнута буднями войны, но здесь, в Выксе, я не жила. Меня уговорили. Я взялась, погрузилась, что называется, по самые уши. Особое внимание было уделено материалу по воинским частям, дислоцированным в Выксе. 14 записей сделала. Толстую тетрадку материала отдала тогда редактору, Михаилу Михайловичу Рогову. А когда вышло «Второе рождение», от своей работы я увидела «рожки и ножки». Кстати, в альманахе «Приокская глубинка» напечатан этот материал, правда, в сокращенном виде. А еще у меня есть статья «Как мы работали над книгой „Второе рождение“».

Денег за работу над книгой не заплатили, но профсоюз техникума выделил путевку в Кисловодск. Так Надежда Алексеевна побывала на Кавказе. Какое же это было мощное впечатление, какая прекрасная награда!

А потом началась перестройка. Все ждали перемен. Но то, какими они оказались, стало для всех неожиданностью. Краеведческая работа затихла. Надежда Князева продолжает разрабатывать свои темы. Пушкин и Выкса, личность Дмитрия Шепелева, опять тема атеизма. Периодические публикации в местной прессе. Хотя как-то повезло, и Надежда Алексеевна год читает лекции на выксунском радио. 12 месяцев, 12 тем. Рассказывает о краеведах, о знаменитых земляках, о замечательных исследователях, в том числе о Николае Михайловиче Федоровском, знаменитом ученом-металлурге, революционере.

— Это такие люди, такие глыбы! Мне хотелось показать вклад этих людей в историю страны, в ее культуру.

В это время Надежда Алексеевна вместе с Александром

Александровичем Козерадским готовит книгу по истории техникума и оформляет музей ВМТ.

В 95-м году в Выксе начали работать над «Летописью боевой и трудовой славы». Надежду Алексеевну не включили в эту редакцию. Но уже к январю 96-го о ней вспомнили и попросили взяться за тему культуры.

— Совсем неразработанная тема! История библиотек, кинофикации, дворцов, краеведения. За один год один человек такую махину как следует разработать просто не может. Этой работой я недовольна. И, когда «Летопись» вышла, я предложила коллегам: давайте сядем, разберем все ошибки. Константин Михайлович Гаркуша мне ответил: «Вот вы и начните!» Я начала! Подготовила целую тетрадку, но хода этой работе так и не дали...

Первая книга краеведа «Прогулки с бабушкой N» (2002 год) получилась как дань курсам экскурсоводов. Надежда Алексеевна водила экскурсии, разрабатывала маршруты, часть материалов печатала в «Выксунском рабочем». Из этих материалов и сложилась книжка.

В этом же году краевед при поддержке градообразующего предприятия выпустила книгу «25 рассказов по истории ВМЗ». Этот труд она считает одним из главных в своей жизни. Там много новых документов, разработаны интересные темы, приведено много новых фактов.

— Знаете, мне бы очень хотелось собрать книгу по войне — в письмах, в воспоминаниях. Показать войну в потной солдатской гимнастерке... А еще хотелось бы книжку по истории с баташевского периода до наших дней, — говорит краевед. У нее за плечами сотни статей в местных газетах, бесчисленное количество тем, которыми она занималась, альбомы, тетради с наработками и уже законченными работами. В любой момент Надежде Алексеевне можно позвонить, задать вопрос и тут же получить ответ. Диву даешься — сколько данных, фактов, имен она держит в памяти. А уж если речь заходит о металлургии!.. Накопленным материалом она делится без сожаления.

Труд деятельного исследователя отмечен различными наградами. Медаль к 100-летию со дня рождения Ленина, Почетная грамота Министерства черной металлургии (1979 год), медаль к 100-летию со дня рождения Шолохова,

множество грамот и благодарностей за краеведческую работу. Но особенно дорого ее сердцу благодарственное письмо нижегородских журналистов за работу, посвященную Ивану Ястребову, лауреату Госпремии, одному из создателей каски СШ-40.

Редкий день проходит у Надежды Алексеевны без обращения к любимому делу. Она внимательно читает прессу, следит за публикациями в местных газетах. И по сей день продолжает свою «работу над ошибками». Соглашается, что, возможно, где-то и перегибает палку, но по-другому она уже не может. Математический ум требует от краеведения математической точности.

В 2013 году вышла брошюра краеведа по истории Вильских заводов.

— Я поехала в Вилю, была в школе, в библиотеке. Написала небольшую работу. И она должна быть у руководителя поселка на столе, у историков в школе! А потом работайте, собирайте, дополняйте. Каждый руководитель поселения должен собрать и записать историю. Скажите мне, разве может краевед написать историю цеха лучше, чем начальник этого цеха, который там проработал 20 лет! Уходят же люди. А вместе с ними уходит и память об их времени.

Надежда Алексеевна обращается ко мне как к вершительнице в последней инстанции. Потому что именно эти ее слова должны стать лейтмотивом рассказа о ней. Вспоминая свою нелегкую жизнь, краевед на пороге солидного юбилея обращается к каждому, кто так или иначе ответственен за сохранение исторического наследия. Потому что это наше главное богатство. Память человеческая — зеркало эпохи. И, рассказывая о себе, Надежда Князева постоянно напоминает мне: важно время, важны детали, важны те штрихи, которые в конечном итоге рисуют гигантское полотно человеческой истории.

Как жаль, что в наше время об этом мало думают и еще меньше в этом направлении делают...

*Беседовала Алёна Баикина
Выкса, 2013–2014 гг.
Фото из архива Н. А. Княzewой*

Константин Иванович
БЕЛОУСОВ

ТВОРЧЕСТВО — ЭТО ПОКАЯНИЕ

«МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЖАНР — ПЕЙЗАЖ»

Константина Ивановича Белоусова местные художники называли мэтром живописи. И было в этих словах уважение и признание его таланта. На всех проходящих в городе выставках работы Белоусова вызывали интерес и внимание. У него спрашивали, почему он выбрал этот сюжет, а не иной; какую философскую нагрузку имеет вот это неожиданно яркое пятно в спокойной по тону картине и т.д. Не пропуская ни одной выставки работ наших художников, всегда с интересом наблюдала за Константином Ивановичем. Видела, как дорожили его замечаниями коллеги, сколь тактично делал он замечания, а порой и несколько язвительно, но собеседник не обижался, а смеялся вместе с добродушным критиком. В его рассказах чувствовалась мудрость человека, много пережившего и повидавшего, человека читающего и размышляющего. И то, что картины пишет только тогда, когда идея вызреет, когда автору есть что сказать людям.

Не знаю, как мы с ним подружились, но, наверное, всё-таки тогда, когда он предложил мне написать

вступление-рецензию к каталогу своих работ. Готовилась его персональная выставка. Тогда мы говорили с ним не только и даже не столько о самих работах, как о жизни и о месте человека в ней. И это была не одна наша беседа. С той поры я часто заходила к нему на огонёк, мы пили чай, рассуждая, споря, недоумевая и мечтая. В один из грустных октябрьских вечеров зашла я к нему, мудрому человеку, поговорить. О том, как скучно мы стали жить, как обеднел наш язык, почему всё чаще разговор заводим не о прочитанной книге, а о том, где отоварить талоны на мясо и где на водку. Я хотела спросить, почему в студенческие времена, когда был расцвет эпохи застоя, как внушают нам сейчас, и когда инакомыслие преследовалось, мы не чувствовали себя рабами, а с упоением обсуждали новый роман Александра Солженицына, спорили о романе «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. И на ужин у нас, как всегда, была жареная картошка. Но в нас жил дух бодрости и дерзости. Так неужели, хотела спросить я художника, заботы о хлебе насущном лишили нас духовных устремлений?

И художник ответил мне.

— Все говорят, что вот, мол, трудное время сейчас... Не до культуры и не до красоты. А когда в России легко было? Во времена Пушкина и Достоевского? Брюллова или Поленова? Нет, конечно! Но искусство ценилось всегда, а люди тянулись к культуре. И были меценаты — Савва Морозов и Павел Третьяков. И сейчас люди тянутся к красоте. Вот директор художественно-краеведческого музея металлургического завода Галина Константиновна Никулина говорит, что на выставки наших картин в выставочном зале люди идут. Смотрят. Спрашивают об авторах. Задумываются. Значит, это им нужно.

— Мне тут как-то случай рассказали. В одном из учреждений лет этак 15 висит моя картина. Собрался однажды этот коллектив «посидеть» по юбилейному поводу. Посидели, выпили, раскрепостились. Забыли про суровые будни. И тут кто-то заметил картину на стене и восхитился. За ним и остальные! А директор им: «Что вы, мужики, очнитесь! Вы каждый день мимо этой картины не раз и не два ходите!» К чему я это говорю? Да к тому, что для того, что-

бы красоту увидеть, человеку нужна свобода, чтоб голова и сердце его готовы были принять эту красоту!

— Как воспитать любовь к искусству? Прежде всего эта любовь должна быть в семье.

Мой отец был бухгалтером, считался человеком культурным, знающим и начитанным. Часто он брал меня с собой на рыбалку, в лес за грибами. И непременно говорил: «Посмотри, как облака отражаются в воде, а вот и рябь пошла серебристая... Видишь, закат какой — золотом вышит». Наверное, он интуитивно хотел побудить меня видеть эту красоту, разлитую вокруг. Любил я слушать, как он читал мне вслух. Читает и вдруг остановится на самом захватывающем месте и хлопнет книгу! А мне же не терпится узнать, что там дальше-то будет! Отец — спать, а я — за книгу и лихорадочно начинаю читать. Под одеялом, с лампой, ночь напролёт! Вот так он привил мне страсть к чтению.

— Что такое красота? Это всегда что-то недосказанное, таинственное. Для меня истинным произведением искусства является то, в котором есть эта недоговорённость, то, что заставляет мыслить. Вижу, картина завораживает, зовёт, — значит, истинная. У дилетантов в работе всё просто, скучно и правильно. И никаких эмоций не вызывает.

— Художник — тот, кто пишет сердцем. Вот говорят: в этой работе живёт душа художника. Истинно так. Когда картина написана взволнованно, ярко, темпераментно, от неё словно сияние идёт или, как говорят теперь, сильная энергетика. Почему велико воздействие от икон? Потому что иконописцы в написание их душу свою трепетную вкладывали.

— Мой любимый жанр — пейзаж. Самый сложный, кстати! У каждого дерева свой характер, даже своё здоровье. А состояния в природе я люблю все. Туман, солнечный день, закаты и восходы, ветреный день или тихий. Всё хорошо, как и возраст у человека. Прекрасна юности пора, но не менее прекрасна и старость. Какие есть удивительные лица у стариков! А глаза? Мудрые, глубокие, светлые.

— В школе учителями рисования должны работать профессионалы. В наше время там трудились Николай Вдовин, Николай Щёткин, Борис Бедин. Это были мастера. Участвовали в выставках. На их работах учились. В ДК

Константин Иванович в своей мастерской

им. Лепсе, на третьем этаже, была студия. Сколько сил положил Вдовин на её организацию! Какой это был увлечённый и темпераментный человек! К нему тянулись ученики, он был незаурядной личностью, яркой и самобытной. В том, что жизнь его сломала, винить надо не его, а системе нашу.

— Как формируется художник? Средой. Так было и так будет всегда. Для художника очень важно отношение к его творчеству людей, общества. Это как костёр. Подбрасывай в него хворост — он будет гореть, прекрати —

погаснет. Хочу сказать, что художнику очень важно общественное признание. Хорошо помню то время, когда председателем исполкома был Иллиодор Васильевич Зотиков. В его правление культурная жизнь в городе достигла своего расцвета. Во Дворце культуры шли спектакли, оперетты, концерты профессиональных артистов, устраивались выставки работ горьковских и местных художников. А спектакли народного театра были событием! Ведь можно, оказывается, возродить культуру в отдельно взятом городе!

— Счастливый человек, какой он? Это человек, живущий для других. Вы, наверное, замечали, что бывает такое: входит в комнату человек, и всё словно светом озарится! А другой войдёт — как тьму с собой принесёт. Духовно богатый человек несёт с собой свет и счастье. А как побудить человека быть счастливым? Поднять уровень его сознания, воспитывая в нём желание воспринимать красоту. «Красота спасёт мир» — это истина. У нас же сегодня люди «вбивают» свои жизни в машины, ковры, прочие материальные «ценности». Это беда.

— Много говорят, что мы катимся куда-то, что нас надо спасать, что не верим ни коммунистам, ни демократам. Позвольте! Почему нас кто-то должен спасать? Мы сами должны стать людьми, остановиться, передохнуть, прекратить эту гонку за куском колбасы! Оглянуться. На небо посмотреть и увидеть облака. Улыбнуться красивой девушке. Поклониться одухотворённому лицу старца в церкви. Мы должны возродиться духовно. Без этого нам не выйти из экономического хаоса. Только человек духовный способен изменить жизнь на началах добра. И пусть каждый займётся своим делом: пекарь печёт хлеб, сталевар варит сталь, фермер займётся хозяйством. «Богу — Богово, кесарю — кесарево». Тогда у нас появится время думать о высоком и творить красоту.

Вот так рассуждал художник в начале 90-х годов. Прошло 13 лет. И вновь — выставка, и вновь мы с ним беседуем о жизни. И почему-то разговор зашёл... о покаянии.

В гостях у Белоусова... Громким дружелюбным лаем встречает Дамка, а её пытается урезонить хозяин, добродушно бормоча: «Иду, иду!»

— *Константин Иванович, добрый день! Поздравляю с выставкой!*

— Да и сам не думал, что получится! А набралось, вот видишь, сто работ. Даже Геннадий Гришин отметил, сказал, что, мол, молодец, Костька!

— *Это тот, что заслуженный художник?*

— Он самый... Да мы что стоим-то? Проходи, проходи.

Находясь под впечатлением его работ, спрашиваю:

— *Что лежит в основе вашего творчества?*

— В основе любого творчества лежит покаяние. Перед тем, как приняться за серьёзное дело, покаяйся перед предками, родителями, твоими близкими людьми. Очисти свою совесть. И только тогда твори. Но не думай, что после этого можно возгордиться. Ведь покаяние, по-моему, это ещё и увидеть недостатки и в себе, и в своей работе. Увидеть, что в твоей картине хорошо, а что плохо. Но главное, чтоб от похвалы тебя корбило. Самокритика — вот покаяние!

Когда я работаю, то во мне идёт страшная борьба. Суровый критик внутри говорит: «Э, да что ты за мазок положил? Разве это облака? Перепиши!» А другой, тот, что от беса, улещивает: «Да брось-ка, не слушай его. Сойдёт и так. Думаешь, кто оценит твои выстраданные картины? Зачем нужны эти муки творчества? Береги себя!»

— *И кто побеждает в этом невидимом сражении?*

— Чаще — суровый критик. И тогда на полотне рождается то, перед чем люди долго стоят и смотрят, и не могут оторваться.

— *Ваши творения очень музыкальны. В каждой работе звучит своя мелодия. Вы слышите эту музыку в душе, когда работаете? Например, картину «Звон бабьего лета» я бы на-*

звала «Симфония осени». В ней пронзительная мелодия прощания, но светлая тем не менее.

— Да, у каждой работы есть своя мелодия. Вот там, где у меня стоит тонкая рябина, там и мелодия лёгкая, словно листочки переговариваются. А в большом полотне, где панорама выксунских прудов, звучит богатырская симфония. Очень люблю слушать произведения Свиридова. Они созвучны моей душе. В его творчестве как раз и лежит то покаяние, о котором я говорил. Ещё очень люблю грузинское многоголосие, хоровое пение.

— *Константин Иванович, у вас великолепные миниатюры, эскизы, написанные на одном дыхании...*

— Да уж, вздохнул, удивился, набросал краски — где кистью, где пальцем, а где мастихином прошёлся, а выдохнул, когда закончил писать. Принимаясь за этюд, испытываю состояние вроде болезни. Меня колотит внутренняя дрожь, никого и ничего не замечаю вокруг. Вот так-то.

...Константин Иванович ласково потрепал по спине собаку, которая всё это время сидела у ног хозяина, внимательно слушала, будто понимала каждое его слово, вернее, волнение его.

Послесловие

Константин Иванович — целая эпоха в истории нашего города. Его творчество было наполнено солнцем правды и добра, философией жизни и её простотой; его картины были понятны всем. И всегда очередная выставка будила в душе чувства глубокие и серьёзные, побуждала к размышлению. Вернисаж, после посещения которого я была в гостях у Константина Ивановича, посвящался 70-летию родного города.

Мне сильно не хватает этого человека. И когда прохожу мимо его дома, вижу свет в комнате, где он лежал, будучи серьёзно болен, всегда говорю: «Простите нас, Константин Иванович...»

Елена Липатова

Лев Васильевич
ШЕСТЕРОВ

РОВЕСНИК ВЫКСЫ

*Природа-мать!
Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Н. Некрасов

Рабочий, краевед, литератор, учитель, путешественник, знаток, собиратель и хранитель выксунской старины — это Шестеров Лев Васильевич. Он и сегодня занимает лидирующее положение среди выксунских краеведов по количеству исследованных им тем, связанных с историей родного края. Представитель более чем двухвековой рабочей династии Шестеровых, Лев Васильевич однажды заинтересовался корнями своего рода и, по мере изучения документов и публикаций о родном металлургическом заводе, втянулся в это интереснейшее дело исторического поиска. Диапазон его исследований был очень широк. Он не занимался разработкой узких тем, и, если в процессе работы выявлялись неизвестные ранее факты, он направлял свои исследования и в это русло.

В конце 70-х годов 20 века Лев Васильевич обнаружил интересные надгробные чугунные памятники на старом кладбище при Сноведском заводе. Его заинтересовала надпись «Мастеровому Усану. 1747—1823». Поскольку не было инициалов, он предположил, что Усан — прозвище, впоследствии ставшее известным. Ведь Сноведь — поселок потомственных мастеров-литейщиков. Оказывается, на Сноведском заводе представители отдельных профессий имели свои прозвища. Так, у династии прокатчиков железа Зубаковых было прозвище Машин, у лучших мастеров-прокатчиков мелкосортного железа Мирошинных — Барей, у вальцовщиков Боровковых — Струна. Даже наших современников по сей день вводит в заблуждение надпись на надгробной плите одной из могил:

«Степан Илларионович Голенищев. 14 октября 1760 — 8 января 1822».

Думают, здесь похоронен брат великого полководца Михаила Илларионовича Кутузова. А на самом деле это могила конторщика Сноведского завода Степана Михайлова по прозвищу Голенище. Такие надгробия ставили людям довольно именитым, они свидетельствовали об уважении к мастеровому человеку. Но есть на Сноведском кладбище много и простых, безымянных крестов. Лев Васильевич сожалел об этом. У него есть такие стихи:

*... Снят в земле мастера — прапрадеды,
Ни могил, ни имен, ни крестов,
Ни с пытливым потомком беседы...
Но, как память безвестным творцам,
Остаются в веках многотрудных
И камин, и решетки к дворцам,
И изящество бюстов чугунных.*

Немало таких «ребусов» из выксунской истории разгадал Лев Васильевич. Благодаря ему молодое поколение выксунцев узнало о старых топонимах названий отдельных районов Выксы: Булатня, Голявка, Скотный, Фабрика, Межонка, Павильон, Монастырь, Старая колония и др.

Являясь членом президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Лев Васильевич

увлекся изучением памятников, находящихся на территории Выксунского района. Его огорчало то, что многие названия исчезают из народной памяти. Он начал изучение и памятников, и памятных мест, связанных со становлением Выксы как города, а также и как одного из центров металлургической промышленности России. В местной печати Лев Васильевич не раз рассказывал об усадьбе братьев Баташевых, в которую входил «большой дом», липовый парк с его знаменитыми оранжереями, конный двор, аптека, мастерские Верхне-Выксунского завода, загородный дом в Досчатом, построенный на берегу Оки, так называемый «Охотничий домик». Все эти памятники зарегистрированы и находятся под охраной государства.

Статьи краеведа стали регулярно появляться в газете «Выксунский рабочий». Лев Васильевич открывает все новые и новые темы. В середине 80-х годов прошлого века в одной из местных газет появилась статья о том, что якобы в Смутном периоде истории России, после трагически таинственной смерти царевича Димитрия, Борис Годунов его мать, седьмую и последнюю жену Ивана Грозного Марию Нагую, заточил в Выксунский женский монастырь. Для Льва Васильевича как истинного краеведа было совершенно очевидно, что речь идет не о нашей Выксе. Он снова возвращается к сохранившимся в веках топонимам, ищет источники этимологии названий речек с суффиксом - ыкс- или -икс-. Поиски привели его в городской музей города Череповца. Там-то он и узнал истину: согласно документам, хранящимся в музее, в Выксунский Николаевский женский монастырь в Череповецком уезде и была сослана Мария Нагая. Все свои исследования по этой теме Лев Васильевич изложил в статье «Выкса на дне «моря», ибо в 40-х годах 20 века череповецкая Выкса вместе с монастырем попала в зону затопления Рыбинского водохранилища.

Лев Васильевич изучал историю техники, развитие различных производств на металлургических заводах, предания и легенды о Выксе. Десятки статей написаны им о земляках, прославивших Выксу в истории России: это всемирно известный архитектор Алексей Максимович Горностаев, инженер Владимир Григорьевич Шухов, основатель сельскохозяйственного машиностроения в России

В кругу семьи. Слева направо: И. В. Лужин, М. Я. Кузьмина,
Л. И. Шестерова с дочерью Катей, П. Я. Лужина,
Л. В. Шестеров

Василий Прохорович Горячкин, механик Антон Копьев, мастеровые-самородки Илья Лукин и Павел Ястребов, которые в 1815 году впервые построили на Верхне-Выксунском заводе паровую машину.

Настоящей сенсацией для выксунцев, интересующихся краеведческими находками Льва Васильевича, стала опубликованная в 1981 году в нижегородском сборнике «Записки краеведов» его научно-исследовательская работа «Выксунская гидроэнергетическая система 18 века». В этом краеведческом исследовании он отметил уникальность и неповторимость гидроэнергетического сооружения, а также чрезвычайную одаренность механиков Марка Терентьевича и Василия Марковича Поповых, создавших на Выксунской земле эту систему.

Незаурядный, образованный, интеллигентнейший человек, Лев Васильевич сыграл определяющую роль и в моей личной судьбе. В Выксу я приехала в 1976 году, в связи с переводом мужа на новое место работы. Поскольку я имела опыт работы в литературном музее А. М. Горького (г. Горький) и в музее-заповеднике А. С. Пушкина (Болдино), мне было предложено возглавить работу музея революционной, боевой и трудовой славы выксунцев, который в то время располагался во Дворце культуры им. Лепсе. Дворец считался одним из цехов металлургического завода, поэтому

оформляться на работу нужно было в отделе кадров предприятия. Естественно, меня мучили сомнения, справлюсь ли, ведь профили у музеев разные. Подходя к проходной Нижнего завода, я обратила внимание на объявление, которое висело возле входа в здание. В нем говорилось о том, что в этот день, в 14.00, в красном уголке мелкосортного цеха состоится лекция «В добаташевский период истории Выксы». Не дойдя до отдела кадров, свернула в мелкосортный цех. В красном уголке я увидела работников мелкосортного, вилопрокатного, старотрубного цехов. Меня поразила рабочая аудитория, которая с огромным вниманием слушала докладчика — нагревальщика мелкосортного цеха Льва Васильевича Шестерова. Ровным, спокойным голосом, в доходчивой форме он рассказывал о древних поселениях в окрестностях Выксы, о могильниках, найденных в районе о. Витерево, Глубокое, о походе через наши края царя Ивана Грозного, когда он шел покорять Казань в 1552 году...

Вылазка на природу с племянником Евгением и женой
Лидией Ивановной

По окончании лекции я подошла к Льву Васильевичу, задала ему несколько вопросов, поделилась с ним своими сомнениями относительно работы в музее. Он их тут же и рассеял, сказав, что двухвековую историю Выксы можно изучить, а профессиональный опыт музейщика в Выксунском музее может пригодиться. С этого времени и началась наша дружба, которая продолжалась до его ухода из

Лев Васильевич после службы в армии, 1957 год

жизни. Лев Васильевич давал мне читать свои записки по истории Выксы, ведь в те годы печатным изданием была выпущена одна книга — «Славная история». Больше, кроме как из газетных вырезок, узнать что-либо было негде. Все знания о прошлом завода и Выксы я черпала из бесед с ним. В то время его знания казались мне неисчерпаемыми. Он, бесспорно, был главным и ведущим краеведом здесь, компетентным по всем вопросам, касающимся истории Выксы.

Кроме исследовательской и поисковой работы он активно занимался и лекционной деятельностью. На предприятиях, в учреждениях, в профтехучилищах, в учебных заведениях и школах города все с нетерпением ждали его выступлений. А ведь основной работой у него был завод: до 1977 года он работал в мелкосортном цехе (год закрытия цеха), а затем — нагревальщиком в колесопрокатном цехе. Не было в те годы информационных технологий, поэтому всю выписанную по МБА (межбиблиотечному абонементу) литературу он переписывал вручную, затрачивая часы своего отдыха. В 1985 году Выксунский металлургический завод взял на баланс дом заводчиков Баташевых, где вскоре начались ремонтные работы, по окончании которых на втором этаже дома должен был бы разместиться городской краеведческий музей. Годом раньше Лев Васильевич вышел на пенсию в возрасте 50 лет и пришел работать в музей. Он строил грандиозные планы, открывались большие возможности заниматься любимым делом, времени хоть отбавляй. В то время у него появилась идея написать книгу по истории Выксы, т.к. материала было собрано достаточно. Кроме того нам вместе предстояло работать над экспозициями в стенах баташевского дома: сбор экспонатов, документов, разработка новых тем... Но этому не суждено было

сбыться. Он тяжело заболел и умер в октябре 1986 года. Умер неожиданно, на пике своих знаний, своих достижений, в самом расцвете своих творческих возможностей. Для всех краеведов он был и советчиком, и наставником, и цензором. Никогда не повышал голоса, ко всем людям всегда относился равно, с известной долей доброжелательности и участия. Совершенно лишен был чувства подобострастия перед чинами и начальством. Он отлично знал не только историю Выксы, но и историю России, часто рассуждал о судьбе ее, живо интересовался текущими событиями. Ежедневно покупал в киосках «Союзпечати» по несколько номеров центральных изданий газет и журналов, прочитывал их, затем делал вырезки и раскладывал их по папкам: «Политика», «Культура», «История», «Спорт» и т.д. Архив Льва Васильевича бережно хранит его жена Лидия Ивановна. Сохранила она также и богатый фотоархив, в нем отражена вся жизнь их семьи, наполненная удивительными путешествиями, встречами с близкими, друзьями, походами, лыжными прогулками, всем, без чего нельзя представить этого жизнелюбивого человека.

Отдельной строкой следует отметить увлечение Льва Васильевича жизнью и творчеством нашего поэта Александра Сергеевича Пушкина. В своем доме краевед собрал уникальную библиотеку, где особое место занимал великий поэт Пушкин. Он досконально знал его творчество, его короткую трагическую жизнь, читал много наизусть. Поэтому неудивительно, что Лев Васильевич нашел ниточку, связывающую тесно историю наших заводов со всей историей русского общества пушкинского периода. Я бы назвала его «выксунским пушкинистом». Перелопатив десятки журналов тех лет — «Русский архив», «Исторический вестник», «Отечественные записки» и т.д., — краевед установил, что с августа 1834 года по май 1836 года поэт жил вместе с семьей и детьми в доме Ивана Родионовича Баташева на Гагаринской набережной в Петербурге. Это подтверждено документально. Ненавязчиво, приводя убедительные и объективные доводы о знакомстве владельца Выксунских заводов Шепелева Дмитрия Дмитриевича с друзьями Пушкина Денисом Давыдовым, Петром Вяземским, Лев Васильевич выдвигает версию возможно-

Лев Васильевич на улице
Корнилова
(район ДК им. Лепсе),
1958 год

сти приезда поэта и в Выксу, к Дмитрию Шепелеву, осенью 1830 года, когда он приезжал в Москву через село Саваслейку, в 18 км от Выксы, где был остановлен холерным кордоном. Этими размышлениями Лев Васильевич и поделился с читателем в своей работе «Поехал я на Выксу». Многие исследовательские работы по истории Выксы опубликованы в краеведческом альманахе «Приокская глубинка». Выксунцы могут познакомиться с ними, поскольку они есть во всех библиотеках города и района.

К изучению истории родного края Лев Васильевич пришел в зрелом возрасте и осознанно. Он считал так:

«... К каждому человеку приходит время понимания: тебя не аист принес, были предки на родной земле. Недаром народная мудрость спрашивает: какого ты рода, племени? Можно ли воспитать человека без опоры на прошлое? Кто не знает своего прошлого, кто не чтит выдающихся людей своего народа, тот сам недостойн уважения».

В мае 2014 года Льву Васильевичу исполнилось бы 80 лет. В этом году, юбилейном для города, которому в июле исполняется тоже 80 лет, хотелось бы видеть все краеведческое наследие нашего выдающегося земляка изданным в одном сборнике. Это мечта всех выксунцев, любящих свой город и помнящих его славную историю.

Галина Никулина

Борис Николаевич
БЕДИН

Тот, кто подарил городу школу

Есть у поэта Сергея Острового такие строчки, которые очень точно выражают то, как оценивают сегодня потомки судьбу человека, художника, педагога Бориса Бедина:

*И пусть тебя потомки помянут
Хорошей песней или добрым словом.*

Борис Николаевич из тех людей, кто «оставил на этой лучшей из планет свой яркий след, свои живые всходы». С его именем связано многое. Основал художественную школу. Воспитал плеяду мастеров кисти, карандаша, мастеров в своём деле. Не счесть, сколько его учеников разъехались по стране и теперь творят каждый в своём деле. Среди них золотошвейка Инна Романова, архитектор Алексей Темников, один из авторов герба города Выксы Анна Сеппиус, заслуженный работник культуры России, мастер гжельской росписи Юрий Гаранин, доцент кафедры Гжельского художественно-промышленного института, участница многочисленных зональных, всероссийских и зарубежных выставок Ирина Коршунова, мастерица

городецкой росписи Нина Зубкова, кандидат искусствоведения Никита Меделец и ещё те, кто продолжал и продолжает нести людям прекрасное искусство красок, линий и форм: Алексей Казаров, Сергей Евлюхин, Валерий Вдовиченко, Сергей Ярмошук, Юрий и Анна Момотовы, Алексей и Галина Усас, Павел Пителин, Инга Романенко, Галина Дедусенко, Анна Фролова, Елена Хохлова... И если б кинуть клич: «Гей, сюда, кто учился у Бедина!», то собралось бы большое число его учеников, тех, кто стал профессионалом-художником, и тех, кто сохранил в душе любовь к строгому педагогу и мудрому человеку, чьи уроки и беседы нельзя забыть никогда.

Мечта открыть в городе художественную школу была у Бориса Николаевича главной в жизни. Он видел, сколько способных детей приходят к нему в изостудию Дворца культуры металлургов, и понимал, что открытие школы — веление времени. Его поддержали в горисполкоме и в горкоме партии, в отделе культуры. Вместе с заведующей отделом культуры Зоей Гусевой изъездили не одну художественную школу области, изучая опыт, накапливая информацию о том, как лучше поставить учебный процесс, какие классы открыть, какую мебель иметь, где приобрести предметы

Б.Н.Бедин, руководитель изостудии ДК им.Лепсе, 1970-е годы

Б.Н.Бедин с молодыми педагогами супругами Кураповыми и В.Крёкиным и учащимися художественной школы, 80-е годы.

для учебных занятий... Ещё не было помещения, а Бедин приобретал мебель, договаривался с теми, кто мог помочь с наглядными пособиями. Кто-то верил ему, что школе быть, кто-то посмеивался как над чудаком. Но все благие дела в мире сем совершаются романтиками и чудаками, и они побеждают! И вот наступил этот счастливый для Бориса Николаевича и его подвижников день: 15 сентября 1984 года в здании дома № 50 м-на Гоголя открылась художественная школа. Педагогов было всего двое — сам Бедин и выпускник Ленинградской академии художеств Сергей Евлюхин. Работали за десятерых. Первым выпуском был класс директора, а вторым — Сергея Васильевича. И так сложилось, что эти первые и принесли Выксунской школе первую славу. Ещё на стадии обучения учащиеся школы были отмечены на всех выставках областного и российского уровней. Именно Борис Николаевич вовремя заметил талантливого мальчика Алексея Казарова, который великолепно владел рисунком и акварелью. У мальчика с детства была любовь к коням и военным баталиям, которую привил ему папа, Борис Иванович. Коня Алёша начинал рисовать с копыта,

а дальше как по наитию, будто пред его мысленным взором уже стоял ретивый красавец. К 175-летию со дня рождения Александра Пушкина учащиеся школы тоже отсылали свои работы на всероссийский конкурс. И листы 10-летнего Алексея были признаны одними из лучших и переданы на хранение в музей Пушкина в Москве. Впоследствии Алексей Казаров окончил Московский архитектурный институт, работал художником-иллюстратором и никогда не оставлял свою любимую батальную тему.

В 20-летний юбилей школа, вновь стараниями директора, получила ещё одно помещение — в старом здании музыкальной школы по ул. Пирогова. Здесь наряду с просторными классами — библиотека, мастерские для педагогов и большие пространства стен, на которых можно размещать сменные экспозиции работ учащихся. Тогда на первый юбилей приехали первые выпускники, возмужавшие, уверенные, смущавшиеся от похвал в свой адрес, но сами источающие благодарности директору, педагогам, научившим, наставившим на путь истинный. И самые горячие слова — Борису Николаевичу.

Он прожил до обидного мало: 70 лет — это не возраст для мужчины. Он строил планы, мечтал открыть новые классы и мастерские, ввести интересные методики, но... у него есть продолжатели, последователи. Школа живёт, ученики по-прежнему побеждают в конкурсах и выбирают себе профессии, связанные с искусством.

Его помнят

Как говорил художник Сергей Евлюхин (ныне покойный), с Борисом Николаевичем он учился в Чебоксарском художественном училище, только он был курсом старше. Всегда энергичен, активен и по-деловому настроен. О его дипломной работе «Всюду жизнь» вспоминал так: «Её сюжет оказался пророческим. Борис Николаевич, сам того не ведая, прозорливо увидел свою жизнь через десятки лет. На картине он изобразил художника, окружённого ребятами. От полотна исходило добро и тепло, такое же, какое нес своим ученикам сам Бедин. Когда он стал работать

Группа учащихся Сергея Васильевича Евлюхина после защиты дипломных проектов (1978–79 учебный год)

в Выксе, у него родилась идея создания художественной школы. Он воплотил мечту. Счастливый он был человек. Скажу, что, как только мы стали вместе с ним работать, я понял, что он не догматик и не консерватор. Он постоянно искал в образовании ребят новые формы. То это была лепка, то чеканка, то мозаика или энкаустика, резьба. Человек увлекающийся, он увлекал и других».

Когда Борис Николаевич вёл занятия в изостудии, Сергей Ярмошук тоже был одним из его учеников. Тем огнём увлечения искусством, живописью, что горел в нём, щедро делился с ребятами. Невозможно было не загореться от него. И многие пошли по его стопам ... в Чебоксарское художественное училище, где выксунцев принимали как родных.

Первые азы изобразительной грамоты Валентин Крёкин получил у Бедина в студии. Это была первая и последняя любовь. Он влюбил их в искусство. По его совету Валентин Викторович поступил в Чебоксарское художественное училище. Каждые каникулы, приезжая в Выксу, обязательно заходил к нему, своему Учителю. Он был для него и Другом, и Учителем, и Отцом. По его же совету поступил в Московский художественно-графический институт. Когда пригласил работать в школу, с радостью согласился.

Самые искренние слова благодарности и уважения от всей семьи Гараниных высказывает Елена Боровова. «Мой брат Юрий, который работает в Гжели, неизменно с благодарностью вспоминает своего Учителя, Бориса Николаевича, и считает, что в нём живёт частичка души Бедина, щедрой на доброту, отзывчивой и искренней».

В бытность свою директором художественно-краеведческого музея Галине Никулиной приходилось очень часто обращаться к нему за советом. Когда музей располагался на ул. Чкалова, то Галина Константиновна задумала устраивать там художественные выставки. Борис Николаевич с энтузиазмом идею подхватил. «Мы вместе ездили за картинами художников Морозова и Власкова, договаривались о

вернисажах с Мочалиным, Руновым. Возили работы местных мастеров на выставку в Нижний, на «Большую Волгу». Художественная жизнь в городе тогда бурлила. И я помню, как мечтал Бедин о том, чтобы у нас в городе был свой выставочный зал. Когда же с открытием после ремонта дома Баташевых такая возможность представилась, как он радовался! Сколько с его помощью провели мы выставок: персональных и коллективных, камерных и такой масштабной, как выставка нижегородских живописцев «Галерея «Русский век». Он был человеком искренним и честным. Никогда не хитрил, говорил правду в глаза, не терпел небрежности в работе. Он был прекрасным живописцем, да вот только своей персональной выставки так и не провёл. Всё ему было не до себя».

От автора. В этом году Борису Николаевичу исполнилось бы 80 лет. Сколь много успел бы он сделать за это время. Но в природе нет сослагательного наклонения. Для меня это был Мастер, Учитель, Человек. Благодарна ему за то, что он был учителем и наставником моего сына Никиты Медельца. Благодарна ему за наши беседы о жизни и об искусстве, о человеке и о его месте в жизни. Помню, как тяжело он переживал, когда видел несправедливость, нечестность, жестокость, как вставал на защиту слабых. Помню, как отстоял он место перед школой, когда прямо под окнами его детища собирались установить мусорные контейнеры. Помню, что он хотел сделать персональную выставку, как писал для неё эскизы... Он любил пастозную живопись — крупными, темпераментными мазками, и в этом проявлялся его характер человека яркого, стремительного, непримиримого и честного.

Очень жалею, что в моей коллекции нет ни одной его работы. И мне всегда будет не хватать наших неспешных разговоров с ним.

Елена Липатова

Фото из архива Выксунской детской художественной школы

Валентин Викторович
КРЁКИН

Валентин Крёкин родился 8 сентября 1954 года. Участник более чем 50 выставок в Выксе, Нижнем Новгороде, Казани, Йошкар-Оле и Москве. Ученики Валентина Викторовича в разные годы поступали в такие престижные учебные заведения, как Ленинградский институт им. Репина, академия им. Сурикова, Нижегородское художественное училище, Владимирский институт дизайна и др. Ученица Крёкина Татьяна Ганина сегодня один из ведущих выксунских художников-прикладников, Арвидас Пликайтис преподает в Выксунской детской художественной школе.

ДУША ХУДОЖНИКА СВОБОДНА

Именно ее, свободу, Валентин Крёкин ценит превыше всего. И даже удивительно, как человек с таким внутренним напряжением сохранился, как сберег свою душу, не спился, не ушел в глухое отчаяние. Он не любит говорить о себе, делает это, потому что так надо — для меня, для альманаха, для тех, давно выросших и еще совсем юных художников, которые гордо зовут себя его учениками. Но зато много и увлеченно говорит о живописи, об искусстве в целом, о сегодняшнем дне культуры и о ее традициях.

Конечно, я спрашиваю о первых шагах в живописи, о первых учителях и первых успехах.

— Как и все дети, я с детства любил рисовать. Краем уха слышал, что во Дворце культуры имени Лепсе есть кружок, где учат рисованию. Маму быстренько сагитировал, и она меня туда привела. Было мне 11 лет, я перешел в 5-й класс. Вел изостудию Борис Николаевич Бедин. Я пришел в сентябре, ребята как раз возвращались с каникул, приносили свои работы, выполненные с натуры, пейзажи, натюрморты... Первое впечатление — шок! Мне, думаю, до этого никогда не дойти. Вон, второклашка, год всего здесь занимается, а как владеет акварелью! У меня красок-то акварельных, конечно, не было, так, карандашики. Но самое удивительное — здесь рисовали с натуры. У меня это в голове не укладывалось. На первом занятии поставил Борис Николаевич натюрморт: горшок, крынку, яблоко. Все рисуют, и я рисую. Получились у меня одни каракули. Сажу и печалюсь: зря я, наверное, пришел. Выгонят... Оценок в студии не ставили — вот где было спасение. Думаю: и на том спасибо! Пришел домой буквально огорошенный. Взял бумагу, карандаш, вышел в проулок — там дерево росло. Сел и стал рисовать. То была моя первая натура...

А позже нас повели на этюды. У ребят постарше уже были этюдники — ящички такие, и я завидовал им белой завистью: вот, настоящие художники, у них ящички, красочки... Начал работать в цвете, стал самостоятельно выходить на природу. Борис Николаевич требовал домашней работы, поэтому приходилось много трудиться. Четыре года прошли очень быстро. К концу обучения я был уже заводилой в изостудии, старостой группы. В 8 классе к нам пришел Илья Ибряев, ныне известный далеко за пределами России художник. Мы сдружились, решили после 8 класса вместе поступать.

— Не страшно было из Выксы ехать так далеко?

— Нет, не страшно. Мы глупые были, не понимали многого. А дорожка была уже протоптана: многие из изостудии поступали в Чебоксарское художественное училище, Борис

Николаевич его окончил. Конечно, когда приехали... Второй шок. Большой конкурс, выпускники серьезных художественных школ. И мы... Лапотники выксунские. Но все оказалось не так страшно. Когда списки принятых оглашали, меня первым назвали, Илью — вторым. Даже удивительно! Но мы, лапотники, упрямые были, много работали, все свободное время посвящали занятиям.

В. Курочкин, А. Пресняков,
И. Ибряев, В. Крёкин

— *Вам тогда по 15-16 лет было? Самое время гулять.*

— Ну и что. Нас, помню, в кино зовут, агитируют, а мы с Ильей отказываемся, не идем, сидим, рисуем. Я ведь и в изостудии занятия пропустил всего один раз. Пасха была... Ребята зовут: пойдём яйца катать по копейке. Ну я и пошел...

— *Об академии уже задумывались тогда?*

— Конечно. Оканчивали мы педагогическое отделение, но учителями быть не собирались. Решили идти учиться дальше, но академия представлялась чем-то недостижимым. И я по совету одного из педагогов поехал поступать в Харьков, на дизайн детской игрушки.

— *В школу работать идти не собирались, но, тем не менее, вся ваша жизнь связана с системой образования...*

— Ну не вся... Но в школе поработал. Причем вместо учебы в Харькове. Меня туда не приняли — надо было после училища отработать два года. И пришел я в 10-ю школу учителем рисования и черчения. Мне было 19 лет,

я получил все классы, с 5-го по 8-й, по два—три класса в параллели. Выглядел, разумеется, юнцом, да и район, скажу я вам, достался бандитский: Скотный — Голявка — Лесозавод. Группировки-коалиции, разборки-драки... Района, впрочем, я не испугался. Многие ребята мне были знакомы, хулиганили вместе в свое время, а в школе учились их младшие братья. Труднее было завоевать авторитет: отношение-то к предметам мне было известно, черчение я и сам не любил, хотя получал по нему «пятерки». Орать — тоже без толку. И я пошел на хитрость. Еще во времена практики в училище кое-какие приемы я взял на заметку. Вот тут-то они и пригодились. Авторитет я завоевывал делом. Даю задание и слышу вопрос: «А ты сам-то что умеешь делать?» Беру мел и картину на доске рисую. За 10—15 минут, на разные темы. И людей, и технику (я увлекался тогда), танки, машины. Они следят за рукой, аж замрут. Тем более я рисовал левой. Потом пытаются срисовать. А мне тишина и ладно! Было не раз: следующий урок математики, и я слышу, учитель дежурного ругает: почему доска не готова?! А им жалко смывать! Этим я брал младшие классы.

Со старшими посложнее. Но там тоже — только делом. Слов они от меня не приняли бы — молодой еще. И каждый урок — экспромт. Задания давал на смекалку, на сообразительность, на скорость. Их это увлекало. Кроме того, им за такие качества оценки никогда не ставили. А дети — они справедливость понимают. Я мог отличнику «три» или «два» поставить, а двоечнику — «пятерку», если видел, что он соображает. С учителями по этому поводу ругался! Молодой был и борзый, независимый... Я же не собирался здесь работать, приехал на год. Воспитала меня чужбина, бывал в группировках разных... Я же в наше гороно явился: хиппи, пробор по центру, штаны штатовские протертые, клешенные — 50 сантиметров, оранжевые носки и рубаха полосатая навывпуск. Ремень широкий немецкий офицерский, трофейный. Тимофей Ефремович Ефремов тогда был, он меня как увидел: куда?! Какой учитель?! А потом спросил, где я учился, посмяк. Только, говорит, волосню состриги да в таких штанах не ходи, как клоун. Пришлось костюм покупать...

Но в Харьков я так и не поступил, проработал в школе еще год, а потом ушел в оформительскую студию.

— Вы ведь в Чебоксары на оформительское отделение сначала поступали?

— Потому что показалось — там проще. А потом с Ильей уже стали задумываться: мы ж художниками хотим быть, а не оформителями. Какой Репин оформитель! Или Суриков — оформитель? Кроме того, на педагогическом больше уроков живописи было. И мы оба туда перевелись через полгода, после первых отчислений с отделения.

— А вы не задумывались, как жить будете, художники? На что? Вряд ли судьба живописца обещала безбедное существование.

— Мы об этом не думали даже. Хотели работать, совершенствоваться. Творчество и свобода — вот главное, к чему мы стремились.

— А есть среди сегодняшних детей такие же увлеченные?

— Есть, немного, но все-таки есть... Есть те, кто по-настоящему хочет этим заниматься. Вот сейчас такая тенденция — лишь бы получить высшее образование. Не думая о том, что их ждет, как их будут учить, чему их будут учить, где они потом найдут работу, что они будут делать... Подруга поступила на архитектурный, и я пойду. А она так далека от архитектуры! Многие мои ученики окончили архитектурный. А где архитекторы? Их нет! Ни одного дня после окончания института они в шкуре архитектора не были. Особенно девчонкам тяжело — им приходилось даже переучиваться, на бухгалтера там или еще на кого... Их выпускают по стране сотнями, и сидят они сметчиками. А где удовольствие от работы? Где творчество? То ли учителя им не объясняют, то ли родители. То ли сами не думают.

— Оформительская студия сулила вам больше свободы, чем школа?

Валентин Викторович за работой

— Значительно. И работа была творческой, и коллектив подобрался молодой, задорный. К тому же я женился тогда, мне надо было не только мечтать, но и на хлеб зарабатывать. Да и времена-то какие были. «Свободного художника» вполне могли посадить за тунеядство. Если бы сегодняшнее отношение к трудовому стажу, может быть, и жизнь моя по-другому бы повернулась. А так в свободное время писал для души, благо времени этого стало гораздо больше. Руководил мастерской Константин Иванович Белоусов. Он же мне предложил поучаствовать в выставках, позвал с собой, и, надо сказать, меня с первого раза заметили. Я привез тогда пять работ, все пять и взяли на выставку.

— *Мечты об академии канули в рутину?*

— Не то чтобы канули... Когда Илья Ибряев из армии вернулся, мы с ним в Строгановку пытались поступить. Так порядок такой был: если ты на «тройки» сдал, считай — поступил. Илья пять «двоек» получил, а я — «тройки» и «двойку» — за композицию. Илья вернулся в Чебоксары, я в Выксу...

Потом пытался поступить в текстильный. Мне так хотелось в Москве зацепиться, удержаться! Конкурс в институт бешеный, 26 человек на место, и спецпредметы надо было сдать на все «отлично». Рисунок я сдал на «четверку» и думаю: «Все, на этом закончим». Но на живопись остался чисто из интереса. Красок хороших у меня не было, кисти щетинные, жесткие... Я половину экзамена еще пытался что-то писать, потом развернулся и ушел. Ткани путем набивки! Разве это мое?! Сказал себе: надо всю эту дурь выбросить из головы, возвращаться в город и заниматься делом.

— По отзывам многих, времена художественной мастерской были славными временами...

— Да, время было интересное. Ну и мы молодые были, головы кумекали. Опять же общение. Я был близок с Белоусовым, с Валерием Григорьевичем Вдовиченко — у него был большой оформительский опыт. Помню, оформляли витрину «Детского мира». Такого в городе еще не было! Резали фигуры из пенопласта, использовали самые разные материалы, много брали западных идей. Магазин получился красивый, необычный. Мы гордились своей работой. А еще, помню, стелу ставили возле ДК им. Ленина. Она была сделана по моему проекту: высокая, наверху партийные лозунги, а завершает все желтая звезда на красном фоне. Через пару дней меня вызывают в горком партии и спрашивают: почему звезда желтая? Вредитель ты! На что я им заявляю: а у вас в углу знамя стоит. Красное. На нем звезда желтая, серп и молот желтые. Почему?! Молчат...

— В школу вернуться не хотелось?

— Не хотелось. Какой я учитель. Конечно, тот факт, что у нас открылась своя художественная школа, Борис Николаевич Бедин воплотил свою мечту, всех нас очень вдохновлял. Но в мастерской хорошо платили, и там была та свобода, о которой я мечтал. Однако времена меняются, в мастерской стали задерживать зарплату, отношение

к нам изменилось. И я решился. Все-таки художественная школа — не общеобразовательная, и предмет — не черчение, и лето все свободное, можно поездить. Опять же ощущение того, что ты причастен к созданию в Выксе такого учреждения, волновало, появлялся энтузиазм, хотелось работать. Так и втянулся... С 1978 года и на 30 лет...

Еще одним плюсом стало то, что я поступил-таки в вуз. И в Москву! Пошел учиться в педагогический, на художественно-графический факультет. Что такое Москва для художника! Это выставки, галереи — ходи, смотри, друзья, люди из разных уголков страны, запретные выставки, нелегальные художники! На сессиях писал этюды и в самой столице, и в Подмоскovie. Так интересно, так захватывающе!

— Но ведь вы отдали школе не 30 лет, а гораздо больше. И до сих пор вы преподаете.

— Молодежь уезжает на сессии, как откажешь, когда просят помочь! Так что уже 36 лет.

— А что для вас важнее — педагогика или творчество?

— Я же сказал: какой я учитель! Я не Макаренко, не Песталоцци. Конечно, на первом месте творчество. Но педагогика — это другое поле деятельности, одно другого не исключает. В школе отдаешь частичку себя, ты не должен быть второстепенным человеком в жизни ученика. Твои ученики развиваются, ты видишь в них своих продолжателей и единомышленников своих. А какой ты педагог без творчества! Я считаю, нет, не может быть разделения на художников и педагогов. Тут все взаимосвязано. Если ты педагог, ты должен быть хорошим художником! Как ты научишь, если чего-то не знаешь или не умеешь. Мы с ребятами учимся друг у друга, обогащаем друг друга. В последнее время мне часто приходится слышать: мы же не художники, мы педагоги. А как это возможно, если учитель сам не работает, не растет, как его будут уважать дети? Вот спросят они: «А где ваши работы посмотреть?» Да нигде! Да не работаю я! Я только языком могу болтать! И как

будут относиться к такому учителю? Задача педагога — поставить ученика на тропинку, показать ему путь, показать свет и научить идти. И ни в коем случае не навязать свое, не научить повторять. Шишкин у нас один. И Левитан — один. Надо быть самим собой, понять, что тебя волнует, как ты хочешь это изобразить. А у мастеров ты учишься, не копируешь, не подражаешь им.

— *Но вы ушли из школы...*

— Как только появилась возможность уйти. Я мечтал быть свободным, но ни дворником, ни сторожем я числиться не мог, в Выксе этот фокус не прокатил бы. Да и я привык к школе. Она связывала, но она и поддерживала. Поэтому я решился только в 2008 году. Пенсия... На кусок хлеба хватит, а без масла можно обойтись. Надо было наверстывать упущенное.

— *Вы много работаете, много ездите. Как выбираете темы для картин?*

— И навыки, и вкус формировало училище. Были у меня планы, связанные с жанровой картиной, и природу я любил, и натюрморты, и портреты писал. Но сама природа мне ближе, она эмоциональнее, греет душу. Самым ценным для меня всегда было разнообразие состояний природы. Я много писал Выксу, окрестности, уезжал на реку, на озера, много писал Москву, окрестности, Звенигород, улочки старинные, монастыри: Новоспасский, Новодевичий, в Коломенском много работал.

— *Особое место в вашем творчестве занимают храмы. Что вас привлекает — внешняя красота или внутренняя энергетика?*

— Каждый храм — это отдельный мир, уникальная часть истории. Самый простой псковский храм обладает уникальной красотой. Интересны судьбы этих монастырей, эпохи, их сопровождающие. Прежде чем куда-то поехать, я читаю историю тех мест, изучаю их особенности. Очень

богата Владимирская земля, Юрьев-Польский, Ростов Великий, Углич, Псков. Отдельная тема — Валаам. Я был там семь раз. Удивительная природа! Я ведь пишу не просто храмы, а окружение их, как они дополняют природу и как природа дополняет их. Новоделы вот не пишу. Они, наверное, хороши и красивы, но душа не лежит. Храм Христа Спасителя не писал ни разу. Может быть, со временем он и станет намоленным, а пока энергетически пуст.

— Бывают периоды, когда ничего не хочется делать? Молодые художники очень боятся этого состояния.

— Конечно, бывают. Накапливается внутренняя усталость, притупляются чувства, не волнует, не трогает ни пейзаж, ни образ. Сомнения гложут художника постоянно: правильным ли путем он идет, так ли нужно? Это нормально. Переставешь работать, думаешь, анализируешь. А потом сама природа зовет, тебя трогает, ты вдохновляешься, тебе хочется писать и хочется работать. Через силу не надо себя заставлять — должны же быть периоды для размышления, для отдыха, для восстановления.

— Ваши картины хранятся в музеях и частных коллекциях не только в России, но и за ее пределами. Не больно расставаться с полотнами?

— Продажа картин для художника всегда сложный процесс. Он вкладывает в работу душу, энергию, свою жизненную силу. Картина рождается в больших мучениях. А когда ты расстаешься с ней, это равносильно тому, как женщина рождает ребенка и потом отдает.

А с другой стороны, зачем ты будешь их хранить у себя? Ведь не для себя же ты это делаешь — для других. Раз покупают — значит, работа понравилась, пусть ее видят другие люди, получают эмоциональное удовлетворение. Что они в мастерской будут стоять у тебя? В гроб все не унесешь.

За границу чаще всего работы попадают с выставок или из салонов. У нас в Выксе был салон, иностранцы периодически покупали картины выксунских мастеров. Мои

работы уехали в Австрию, США. Недавно финны купили несколько работ, приехали прямо домой.

— Теперь в Выксе салона нет. И с галереей никак не сложится...

— Салоны — это бизнес. И, как показывает практика, далеко не прибыльный. Даже в больших городах такие салоны существуют чаще всего на средства меценатов. Картины покупают редко. Заходит человек, смотрит: этюдик маленький, а стоит три тысячи, пять. Дорого! Я пойду на рынок, там куплю большую картину и в разы дешевле, и в красивой раме. Я столкнулся с тем, что люди не знают, что это репродукция. Разницы не понимают. Не воспитан у нас зритель, не подготовлен.

Здесь вот галерея и должна бы сыграть свою роль. Это большая тема! У художников большие претензии к администрации. Я бывал в маленьких городках, не чета Выксе, но хоть какие-то выставочные залы там есть, где можно свои работы выставить, со стороны пригласить художников. Возьмите тот же Гороховец. А у нас нет. Не нужно, видно, это. Роль такого центра, объединяющего творческих людей, играл музей, когда в нем работала Галина Константиновна Никулина. Ей надо сказать отдельное спасибо. Она понимала чувства художников, их настроение, организовывала выставки. Там было общение, каждый приходил и чувствовал, что он нужен. А как она старалась помочь бедным художникам. Ведь все эти выставки-продажи были нелегальными! Но все знали, что можно прийти в музей, присмотреть понравившуюся картину и потом купить ее у автора. Галина Константиновна знала, как важна нам эта поддержка, и люди шли в музей, узнавали новые имена.

Сейчас музей тоже предлагает художникам площадку для выставок, музейщики делают большое дело. Но... Сами музейщики — они простые люди, чего-то, может быть, еще и не понимают. Вечная лебединая любовь на закате в камышах — шедевр. Или русалка... Я считаю, к отбору работ надо привлекать профессионалов, особенно когда составляют большие выставки.

— *Вы собираетесь где-то с коллегами по цеху, обсуждаете насущные проблемы?*

— Мы все общаемся, дружим, но союза, общности — нет. А порой очень полезно собраться, поговорить, обсудить работы друг друга. В нашем деле похвала хуже воровства. Вот он хвалит, а сам думает: да чего ты тут принес, я-то во много раз лучше сделаю. Потому замечание, критика нужнее и полезнее самой высокой похвалы. Иногда сам недочета не увидишь, а другой сразу подметит. А дальше дело твое — согласиться или не согласиться, за дельное замечание сказать «спасибо» или решить, что ты прав. В других городах такие объединения существуют много лет. А у нас так и не сложилось... Мне кажется, ситуация не изменится, если власти не повернутся к нам лицом. Мы регулярно встречаемся с администрацией: поговорили, поговорили, решили что-то там... и разошлись. Одна говорильня! Вот вы давайте, давайте! А что давать?

— *Как вы относитесь к современному искусству?*

— А что вы вкладываете в это понятие? Современное то искусство, которое востребовано. На мастеров прошлого идут толпы людей, а войдите в зал современного искусства. Там два-три человека блуждающих, в носу ковыряющих, вроде что-то там себе в искусстве понимающих... А что там можно понять, если художник изобразил инсталляцию, которую сам вряд ли объяснит. Народ должен его понять, это искусство. Знаете, мне тяжело об этом говорить. Такое искусство создают и следуют ему, как правило, молодые. Им свойственно все отрицать, но это пройдет. Как можно сказать, что Репин или Суриков не актуален, не современен! Это настоящее, оно трогает душу. Остальное шелуха, оно уйдет со временем.

— *А нет ощущения, что уже все написано и больше нечем себя занять?*

— Мир безграничен, и творчество — тоже. Сейчас в работе серия, посвященная деревне, уходящей деревне. Это

Раздумья, сомнения — вечные спутники творческого человека

же наши корни, наша боль — то, что творилось и творится с бытом деревенским, с ее культурой. Я был в Осиповке, на Боевом, в Новодмитриевке. В Семилово был. Его больше нет, но картины остались, память о нем. Потом у меня была идея запечатлеть старинные города с их архитектурой. Есть план посвятить серию небесам, Вселенной... Низкий горизонт и вот это небо. Оно же разное бывает в разном состоянии — при закате, при восходе, бурное, облачное, солнечное. Небо может многое рассказать...

— *А у вас есть любимое время года?*

— У меня все времена года любимые. Люблю золотую осень, но и серые пасмурные дни меня привлекают,

в них своя лирика, своя красота. Я нахожу вдохновение в любой погоде. Порой приходится слышать, что серые дождливые дни наводят тоску. Не может такого быть! Природа не наводит тоску, она вызывает грусть. Грустный день, пасмурный, человек грустит. Но это не тоска с ее безысходностью. Как мы порой плохо разбираемся в самих себе... Я люблю раннюю весну и слякоть эту люблю. Меня упрекали за ранние работы, что они темные. Но в этом тоже свое очарование. Там сама тема диктовала сделать работу именно в таком колорите, и в этом есть своя прелесть.

Беседовала Алёна Баикина

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Пчелян</i> Да, были люди!	3
<i>Алёна Баикина</i> Путь краеведа, или Работа над ошибками.	12
<i>Елена Липатова</i> Творчество — это покаяние	27
<i>Галина Никулина</i> Ровесник Выксы	34
<i>Елена Липатова</i> Тот, кто подарил городу школу	42
<i>Алёна Баикина</i> Душа художника свободна	49

«Приокская глубинка» № 2 (14) 2014

Краеведческий альманах

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Редакционная коллегия:
Елена Александровна Баикина,
Валентина Васильевна Балдина

Автор идеи
Юрий Владимирович Жулин

Обложка:
художник Юрий Васильевич Гальянов

Суперобложка:
художник Валентин Викторович Крёкин

Адрес редакции:
607060, Нижегородская обл.,
г. Выкса, микрорайон Центральный, д.20

Свободная цена

Подписано в печать 16.06.2014
Формат 130×200 мм. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 500 экземпляров

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 12 лет.

Издательство Print House

Отпечатано в типографии Print House
607060, Нижегородская обл., г. Выкса, ул. Вавилина, д. 10,
email vpo@vyksa.ru, сайт phpress.ru